

© Кряж И.В., 2011

Кряж И. В. Психология экосохранения как ответ на глобальные экологические угрозы // Актуальні проблеми психології: Збірник наукових праць Інституту психології імені Г.С. Костюка НАПН України. – Житомир: “Вид-во ЖДУ ім. І. Франка”, 2011. – Том VII. Екологічна психологія. – Випуск 26. – С. 271-279

УДК 159.9:504.05

ПСИХОЛОГИЯ ЭКОСОХРАНЕНИЯ КАК ОТВЕТ НА ГЛОБАЛЬНЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ

Кряж Ирина Владимировна

Аннотация. Описывается социально-экологический и научный контекст развития психологии экосохранения. Обсуждаются понятия экологически значимого поведения и экологической озабоченности. Проводится эмпирический анализ экологической озабоченности как динамической смысловой системы, релевантной экологическим угрозам и обеспечивающей осмысление субъектом экологического значения собственной активности: как отдельных действий, так и образа жизни в целом. В основе такой системы лежит субъектно-этическое отношение к природе, обостряющее восприятие экологических изменений и актуализирующее смыслы экологической ответственности.

Ключевые слова: психология экосохранения, экологически значимое поведение, экологическая озабоченность, динамическая смысловая система

Осмысление современных антропогенных экологических изменений как глобальных угроз началось в конце 1960-х – начале 1970-х гг., что отразилось в первом докладе Римскому клубу «Пределы роста» и, в определенной степени, в решениях Стокгольмской конференции ООН по проблемам окружающей среды 1972 года. Хотя, начиная с первых публикаций Вогта, Эрлиха, Уайта, Бейтсона, Хардина, Печчеи и др., в качестве основных причин глобальных экологических проблем рассматривались особенности человеческой ментальности и поведения, вплоть до 1986 г. все программы международных исследований глобальных изменений имели естественнонаучную направленность. Только в конце 1980-х, когда глобальные угрозы стали очевидны (озоновая проблема, климатические изменения, масштабные техногенные экологические катастрофы, в первую

очередь – ЧАК), оформился социальный заказ на междисциплинарные исследования с участием представителей общественных наук, в том числе – психологии. В эти же годы в развитых странах запускаются социальные программы, направленные на привлечение населения к решению проблем ресурсосбережения. Толчком к развитию таких программ стала концепция устойчивого развития, представленная в отчете комиссии ООН «Наше общее будущее» (1987 г.) и поддержанная в 1992 г. решениями конференции ООН по окружающей среде и развитию. Концепция, опирающаяся на понятия потребностей, субъективных приоритетов и понимания ограничения [14, 50], подразумевала необходимость изменений в образе жизни и в отношении людей к окружающей среде, что, в свою очередь, требовало соответствующих психологических наработок.

Таким образом, в 1990-х гг. в развитых странах сложилась социальная ситуация, способствовавшая развитию психологии в направлении исследования субъективных аспектов глобальных экологических изменений. Вместе с тем, к этому времени в западной психологии уже была накоплена значительная база эмпирических данных, служащая основанием для ряда теоретических обобщений в этой области. В данной статье будут рассмотрены базовые понятия и основные исследовательские проблемы новой дисциплины, известной в настоящее время как *conservation psychology* (психология экосохранения) или *sustainable psychology* (психология устойчивого развития). Также мы остановимся на результатах наших эмпирических исследований в этой области и обсудим возможности интеграции теоретических положений западной психологии сохранения и отечественных психологических подходов.

Первым шагом на пути оформления новой психологической дисциплины стал выход в 2000 г. специализированных выпусков в журналах «*Journal of social issues*» и «*American Psychologist*». Составители спецвыпуска «*Journal of social issues*» основной задачей номера назвали продвижение инвайронментализма, а объединяющей идеей стал вклад психологии в

устойчивое (жизнеспособное) будущее. Проблемы, обсуждаемые в спецвыпуске «Американского психолога», были отнесены авторами к психологии сохранения (conservation psychology) или психологии устойчивости (sustainable psychology, psychology of sustainable behavior). В том же 2000 г. в рамках научного симпозиума прошло обсуждение ряда проблем под общей темой «**conservation psychology**».

За этим последовали спецвыпуск «Population and Environmental Psychology Bulletin» [1], сессия conservation psychology в АПА, первая конференция в 2002 г. и симпозиум в 2003 г. (при поддержке Ассоциации аквариумов и зоопарков). Мы используем при переводе интуитивно понятный термин «психология экосохранения», чтобы подчеркнуть связь этого направления с антропогенными экологическими угрозами, включающими климатические изменения и сокращение биоразнообразия. (Именно проблемой биоразнообразия было продиктовано название «conservation psychology» – по аналогии с «conservation biology».) В европейской и постсоветской психологии чаще встречается термин «психология устойчивого развития» (Kruse, Шмелева; Смолова). Обозначение психологии экосохранения как самостоятельной проблемной области должно способствовать профессиональной идентификации психологов, работающих в данном направлении, более четко определить зону их профессиональной ответственности и круг решаемых задач [1]. Основную задачу можно описать здесь как продвижение проэкологического (или экосберегающего) поведения. «Продвижение поведения» объединяет формирующие, образовательные, воспитательные, пропагандистские, отчасти психокоррекционные задачи, решаемые в работе со всеми слоями населения и всеми возрастными группами.

Анализ значительного числа психологических публикаций, выполненных за последние десятилетия в контексте проблемы экосохранения, позволяет выделить в качестве ключевых два понятия: «экологическая озабоченность» и «экологически значимое поведение».

Среди других наиболее часто используемых понятий отметим экологические установки, экологические убеждения, экологические ценности, экологическое мировоззрение, экологический дискурс, экологические дилеммы (чаще используется определение «environmental», чем «ecological»), инвайронментализм, антропоцентризм, биоцентризм (реже – экоцентризм).

• **Экологически значимое поведение.** Пол Стерн рассматривает в качестве критерия экологической значимости поведения его объективные последствия: «степень, в которой оно изменяет доступность сырья или энергии, получаемых из окружающей среды, или изменяет структуру и динамику экосистем или биосферы как таковой» [7, 408]. Экологическое значение некоторых форм поведения может быть прямым, например, если речь идет о переработке домашних отходов или раскорчевке леса. Но во многих случаях индивидуальное поведение оказывает косвенное экологическое влияние, формируя контекст, в рамках которого принимаются экологически значимые (на макроуровне) решения, например, относящиеся к стратегии экономического развития в стране, системе налогообложения, международным соглашениям. Тем самым экологически значимые действия не только определяются контекстом, но и участвуют в его формировании.

Gough (2002) отмечает, что в ряде случаев очень сложно идентифицировать «правильное» экологическое поведение, например, когда все способы действий влекут за собой рост загрязнения или ухудшение среды обитания. Так, например, защита лесов в Северной Америке ведет к ускоренному сведению тропических лесов в Южной Америке и к большому расходу ископаемого топлива для транспортировки целлюлозы [4].

Психологический анализ экологически значимого поведения предполагает также введение субъективного критерия, определяемого проэкологическим намерением субъекта [7]. То, в какой мере реальный экологический эффект совершаемых действий соответствует проэкологическим побуждениям, позволяет говорить об экологической целесообразности тех или иных способов поведения. Вместе с тем,

намерение является категорией, необходимой для анализа смысловой регуляции экологически значимого поведения.

В целом, акцент при изучении экологически значимого поведения в психологии экосохранения делается на проэкологических формах поведения и способах их «продвижения». В работе Марты Монро (2003) [5] проэкологическое поведение определяется как поведение экосохранения (conservation behavior), и на основе анализа ряда работ выделяются такие его формы:

- Проэкологическая социальная и политическая активность,
- Проэкологические политические действия рядовых избирателей,
- Потребительское поведение (покупка «зеленых» товаров, участие в программах рециркуляции отходов, сокращение использования энергии, изменения привычек потребления).
- Другие виды поведения, связанные с профессиональной деятельностью (например, снижение энергопотерь в процессе производства, предъявление иска загрязнителю и т.д.).
- Поведение в экосистемах (волонтерская помощь в национальных парках).

В качестве психологических переменных, опосредующих влияние антропогенных экологических изменений на поведение, в психологии экосохранения рассматриваются мировоззренческие убеждения, ценностные ориентации, установки, моральные нормы. Все эти переменные выступают в качестве диспозиционных образований, обуславливающих смыслы отмечаемых средовых изменений и побуждающих к тем или иным действиям проэкологической направленности.

Экологическая озабоченность. Начиная с середины 1970-х гг., психологические аспекты глобальных экологических угроз изучались с позиций социально-психологического подхода. Проводимые здесь исследования занимали своего рода маргинальное положение между социальной психологией и оформившейся в те же годы инвайронментальной

психологией (психологией взаимодействия с окружающей средой). Первой значительной работой в этой области стало исследование R. E. Dunlap & K. Van Liere (1978), базирующееся на понятии новой экологической (инвайронментальной) парадигмы (НЭП) [3]. Авторами была разработана шкала НЭП из 12 пунктов, отражающая взгляды на три проблемные области: нарушение людьми природного равновесия, существование пределов роста для человеческих сообществ, право людей управлять природным миром. Как показало исследование 1975 г., шкала была высоко чувствительна к различиям между взглядами известных защитников окружающей среды и широкой публики, или, по оценке авторов, к различиям между новой экологической парадигмой биоцентризма и доминирующей социальной парадигмой антропоцентризма. Впоследствии шкала НЭП была усовершенствована и в нынешнем варианте включает 15 пунктов [4]. Интегральный показатель по шкале НЭП высоко коррелирован с оценкой значимости экологических проблем, с поддержкой проэкологической политики, с оценкой своего проэкологического поведения. Поэтому Р. Данлап с соавт. приходят к выводу, что шкала НЭП измеряет базовый компонент системы экологических убеждений, функционирующий наряду с фундаментальными ценностями. В большинстве работ этот компонент описывается как «environmental concern».

Термин «environmental concern» несет два значения: беспокойство и озабоченность. Эта двойственность проявляется и в исследованиях, т.к. нередко в качестве индикатора «environmental concern» используют вопрос (или несколько вопросов) о том, насколько респондент обеспокоен экологическими проблемами или испытывает на себе их влияние. В таких случаях более верным будет говорить об экологическом беспокойстве, как установке (аттитюде) по отношению к экологическим угрозам. В зависимости от исследовательских задач изучается общее или специфическое (связанное с конкретной проблемой) экологическое беспокойство.

Однако «environmental concern» в трактовке Р. Данлопа и его коллег

означает больше, чем просто беспокойство – это, как было сказано, базовый компонент экологических убеждений, определяющий переживание причастности к экологическим проблемам и готовность к проэкологическим действиям. В этом контексте, на наш взгляд, следует использовать термин «экологическая озабоченность». Как было показано в работах П. Стерна с соавторами [7; 8 и др.] и У. Шульца [6 и др.], экологическая озабоченность тесно связана с системой ценностей, включая в себя три ценностно-мотивационных составляющих: так называемые эгоистическую, альтруистическую и биосферную озабоченность. В первом случае экологическое беспокойство определяется угрозами для собственного благополучия, во втором – угрозами для других людей, в последнем – экологическими угрозами для *нечеловеческих* существ и природного окружения в целом.

Понятие экологической озабоченности как ключевого смыслообразующего компонента было использовано нами в исследовании отношения к проблеме глобальных экологических изменений [12]. С помощью разработанного нами опросника ЭкО-44 был проведен анализ смысловой организации обыденных представлений об экологических угрозах (в исследовании приняли участие 496 человек в возрасте от 17 до 63 лет, из них 380 студентов разных специальностей в возрасте от 17 до 24 лет, 335 женщин и 161 мужчина). Используя методы эксплораторного и конфирматорного факторного анализа, мы выделили ряд смысловых параметров (конструктов) отношения к глобальным экологическим изменениям: «Животные», «Отрицание глобальных экологических проблем», «Экологическая интернальность», «Деньги», «Научно-технический прогресс», «Возмездие», «Ощущение экологических проблем».

Конструкт «животные» описывает отношение к экологическим изменениям с точки зрения их значения для других живых существ и природного окружения в целом и близок по содержанию к биосферной экологической озабоченности. Поскольку этот конструкт связан с идеей

«экологических прав» других живых существ как субъектов и выражает этические биоцентрические смыслы отношений человека с природным миром, его можно охарактеризовать как экологический эгалитаризм. С ним наиболее тесно связаны шкалы отрицания экологических проблем и экологической интернальности. Чем более значимым для субъекта является вред, наносимый людьми природному окружению, тем меньше он склонен отрицать экологические угрозы (шкала отрицания экологических проблем) и тем более очевидной будет для него связь между человеческой деятельностью и глобальными экологическими изменениями (шкала экологической интернальности). Объединенные вместе, эти три конструкта определяют отношение к глобальным экологическим проблемам и их осмысление.

Субъектно-этическое отношение к другим животным актуализирует смыслы человеческой ответственности за совершаемые поступки, что проявляется не только в формировании внутреннего локуса контроля в отношении экологических изменений, но и в осмыслении экологических проблем как возмездия за «экологические грехи» (конструкт «возмездие» прямо связан с экологическим эгалитаризмом и, в меньшей степени, с экологической интернальностью).

Отрицание экологических угроз (оценка их как надуманных, не соответствующих реальности) связано с приоритетом экономических смыслов жизнедеятельности, что проявляется в более высоких значениях по параметру «деньги». Этот конструкт объединил веру в силу денег («когда у человека достаточно денег, экологические проблемы для него не существуют») и убежденность в том, что «от поступков отдельного человека экологическая ситуация никак не зависит». Фиксация на финансово-экономических смыслах тормозит осмысление экологических последствий действий, что ведет к отрицанию экологических угроз, которое, в свою очередь, служит условием для дальнейшего игнорирования экологической реальности при решении экономических проблем. Вместе с тем, приоритет

экономических смыслов поддерживает веру в технологии и поддерживается ею же.

Таким образом, экологические смыслы жизнедеятельности составляют оппозицию финансово-экономическим смыслам, реализуемым за счет экоразрушительного потребления. Осмысление субъектом экологических аспектов своих действий и образа жизни в целом мы рассматриваем как проявление экологической озабоченности, представляющей собой динамическую смысловую систему, релевантную экологическим угрозам. В основе такой системы лежит субъектно-этическое отношение к природе, повышающее сензитивность к экологическим изменениям и актуализирующее смыслы экологической ответственности.

Понятие «динамическая смысловая система» мы используем в двух значениях: как единство аффекта и интеллекта в исходном определении Л. С. Выготского [10] и как «относительно устойчивую и автономную иерархически организованную систему, включающую в себя ряд разноуровневых смысловых структур и функционирующую как единое целое» в трактовке Д. А. Леонтьева [13, 235]. Остановимся на втором значении. Экологическая озабоченность включает ряд сложно скоординированных смысловых конструкторов. Иерархическая организация этих смысловых образований связана с уровнями общей и специфической озабоченности, а также разными ее компонентами: эгоистическим, альтруистическим, биосферным. При этом подлинно экологические смыслы жизнедеятельности обеспечиваются биосферным компонентом экологической озабоченности. (Можно отметить соответствие обозначенной структуры экологической озабоченности «смысловой вертикали» Б. С. Братуся, включающей смыслы ситуационные прагматические, эгоцентрические, группоцентрические и общечеловеческие, а также смыслы, определяющие отношения человека с беспредельным [9].) То, что такая система функционирует как единое смысловое целое, подтверждается «склеивкой» параметров НЭП [2]. Также и в нашем исследовании было

установлено наличие общей шкалы, объединяющей пункты опросника ЭкО-44 и задающей смысловую оппозицию «значимость – незначимость экологических изменений» (альфа Кронбаха 0,83).

Говоря о единстве аффекта и интеллекта применительно к экологической озабоченности, мы хотим подчеркнуть зависимость между эмоциональной включенностью в экосистему (комплицитностью в теории В. А. Скребца), базирующейся на надвидовой идентификации [11], и рациональной оценкой экологических изменений.

Выводы: ● Ключевое место в психологическом анализе субъективного аспекта глобальных экологических угроз занимают понятия экологически значимого поведения и экологической озабоченности.

● Экологически значимое поведение может быть рассмотрено как поведение, релевантное проблеме экосохранения.

● Экологическая озабоченность представляет собой динамическую смысловую систему, релевантную экологическим угрозам и обеспечивающую осмысление субъектом экологического значения собственной активности: как отдельных действий, так и образа жизни в целом. В основе такой системы лежит субъектно-этическое отношение к природе, обостряющее восприятие экологических изменений и актуализирующее смыслы экологической ответственности.

1. Brook A.T. What is “Conservation psychology?” // Population and Environmental Psychology Bulletin. – 2001. – Vol.27. – No.2. – P. 1-2
2. Dunlap R.E., Van Lier K.D., Mertig A.G., Jones R.E. Measuring endorsement of the new ecological paradigm: a revised NEP scale // Journal of social issues. – 2000. – Vol.3. – N 56. – P.425-442
3. Dunlap R. E., Van Liere K. The new environmental paradigm // Journal of Environmental Education. – 1978. – Vol. 9. – P. 9-19
4. Gough S. Whose Gap? Whose Mind? Plural rationalities and disappearing academics // Environmental Education Research. – 2002. – Vol. 8. – N 3. – P. 273-282
5. Monroe M.C. Two Avenues for Encouraging Conservation Behaviors // Human Ecology Review. – 2003. – Vol. 10. – N 2. – P. 113-125
6. Schultz W.P. The structure of environmental concern: concern for self, other people and the biosphere // Journal of Environmental Psychology. – 2001. – Vol.21.– N4. – P.327-339
7. Stern P. C. Toward a coherent theory of environmentally significant behavior // Journal of social issues. – 2000. – Vol.56. – N 3. – P. 407-424
8. Stern P.C., Dietz T., Kalof L. Value orientations, gender, and environmental concern // Environment and Behavior. – 1993. – Vol. 25. – N.5 – P. 322-348.

9. Братусь Б.С. Личностные смыслы по А.Н.Леонтьеву и проблема вертикали сознания // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологической школе А.Н.Леонтьева. – М.: Смысл, 1999. – с.284-298
10. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т.2. Проблемы общей психологии. / Под ред. В.В. Давыдова. – М.: Педагогика, 1982. – 504 с.
11. Кряж И. В. Психологический анализ антропоцентризма // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Серія психологія. – 2010. – № 913. – Вип.44. – С.83-92
12. Кряж И. В. Структурная модель обыденных представлений о проблеме экологической безопасности // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Серія: «Психологія». – 2010. – №902. – Вип.43. – С. 126-137
13. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 2003. – 487 с.
14. Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). – М.: Прогресс, 1989. – 376 с.

Кряж І.В. Психологія екозбереження як відповідь на глобальні екологічні загрози

Анотація. Описується соціально-екологічний та науковий контекст розвитку психології екозбереження. Розглядаються поняття екологічно значущої поведінки та екологічної стурбованості. Проводиться емпіричний аналіз екологічної стурбованості як динамічної смислової системи, що релевантна екологічним загрозам та забезпечує осмислення суб'єктом екологічного значення своєї активності: від окремих дій до способу життя у цілому. Підґрунтя такої системи складає суб'єктно-етичне ставлення до природи, яке загострює сприйняття екологічних змін та актуалізує смисли екологічної відповідальності.
Ключові слова: психологія екозбереження, екологічно значуща поведінка, екологічна стурбованість, динамічна смислова система

Kryazh I.V. Conservation psychology as the response to global ecological threats

Annotation. The socially-ecological and scientific context of development of conservation psychology is described. Concepts of ecologically significant behavior and ecological concern are considered. On an empirical basis it is shown, that ecological concern is dynamic semantic system that is relevant to ecological threats and provides understanding with the subject of ecological importance of own activity: from separate actions to a way of life as a whole. The basis of such system is made by the subject-ethical attitude to the nature which aggravates perception of ecological changes and actualizes senses of ecological responsibility.

Keywords: conservation psychology, ecologically significant behavior, ecological concern, dynamic semantic system